

Роза Ауслендер
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ЖЕЛАНИЕ

Когда подумаю,
как много слов
теряем мы,
когда замечу:
их остаётся
уже так мало,
тех слов, что дышат
со мною вместе,
когда я вспомню,
что есть слова –
«мы»,
«уже»,
«вместе»,
я разделить их
хочу с тобою.

ОТЕЦ НАШ

Отец наш, отец Всевышний
забери своё имя,
мы не решаемся
быть детьми.
Как голосом этим удушья
отцом тебя называть?
Сегодня звезда из лимона
гвоздями ко лбу прибита.
Безумно смеётся луна,
спутница наших мечтаний.
И клоун мёртвый смеётся,
что сальто нам обещал.
Мы возвращаем, Всевышний,
сегодня тебе
твое имя.
Играй и дальше отца,
играй отца без детей
в небе, где воздуха нет.

МОЙ СОЛОВЕЙ

Моя мама
была когда-то косулей.
Золотисто-карие её глаза
и грация –
они из времён косули.

Потом моя мама была
человеком, но ангелом – тоже.

Когда я спрашивала,
кем хотела бы она стать,
отвечала мне: соловьём.

Теперь она соловей.
Каждую ночь
я слышу её
в саду моих грёз бессонных.

Поёт она Сион предков,
старую Австро-Венгрию,
холмы и леса Буковины.
И колыбельные песни
поёт мне каждую ночь
мой соловей
в саду моих грёз бессонных.

СУББОТА

В зеркало глядя пруда,
расчёсывается солнце.

Я с удочкой. Свой улов
бросаю обратно в воду.

Только зеркального карпа
в садок положу:
для субботы.

И ждать стану:
может, неделю, год
или же много лет.

Мой карп лежит.
И молитвы,
качаясь, читает рабби.

– Рабби, когда суббота?
– Всегда суббота на небе, –
рабби мне отвечает.

– Рабби, а здесь когда?
– Шалом, – бормочет мой рабби,
при этом ещё добавляя
пару слов на иврите.
Жаль, что не понимаю.

ЧЕРНОВИЦЫ¹

Город холмов, хранимый
буковыми лесами.
Луга протянулись вдоль Прута.
Купальщики и плоты.
Буйство майской сирени.
Майских жуков паденье.
И языки – все четыре –
что этот обжили воздух,
так мирно вместе живут.
Пока не упали бомбы,
счастьем дышит мой город.

ИЕРУСАЛИМ

Когда я вывешиваю на Восток
бело-голубую шаль,
плывёт ко мне
Иерусалим
с Храмом
и с Песней песен.
Мне сегодня
пять тысяч лет.
Моя шаль – качели.
Когда, повернувшись к Востоку,
закрываю глаза,
в них качается
Иерусалим
на своих холмах.
Пять тысяч лет ему,
ко мне он плывёт
в апельсиновом аромате.
Ровесники,
мы играем
в воздухе вместе.

¹ Название *Черновицы* город носил во времена Австро-Венгрии; румыны называли его *Черноуты*; в советское время был «переименован» в *Черновцы*.

В ВОЙНУ

Ослепший город с дебрями улиц.
Сумерки ткут свои сети.

Дети.

Страх в их глазах беззвёздных.

Калеки. Еще калеки...

Как после дождя грибы.

В гетто, во мху кровавом,
сквозь окон кресты – скелеты.

Солдатские шапки
на головах умерших.

Ужас бродит, как нищий,
от двери к двери,
наши сердца собирает
в свою бездонную кружку.

ВСПОМИНАЯ Д. ГОЛЬДФЕЛЬДА

С кашляющим поэтом
делим мы горе в гетто.

Мать моя чахнет.

Близкие стали чужими.

Мы в нищете прозябаем.

По дороге к больному
снежный ангел
проплыл надо мною.

И я улыбаюсь собрату:
«Скоро вам станет лучше,
верьте, пожалуйста, мне».

Он верит мне.

И умирает.

ГРОМКОЕ МОЛЧАНИЕ

Некоторые спаслись.

Из ночи выползли руки,
кирпично-красные от крови
замученных.

Шумною была пьеса

с пёстрой картиной пожара,
с музыкаю огня.

Потом смерть молчала.
Молчала.

Кричащим было молчанье.
Лишь улыбались звёзды
сквозь ветви.

Спасённые ждали в гавани.
Там на воде качались
умные корабли,
похожие на колыбели
без матерей и детей.

ПОТОМ

Потом,
когда новый пошёл
счёт времён,
растаяли льдинки-слова,
легче стало дышать,

старый этот язык
юным вернулся к нам,

израненный наш,
пришедший в себя
немецкий.

ПРОШЛО?

Прошло?
Никогда не пройдёт!
Бессмертные мы могикане,
древний новый народ.

Земля, и песок, и небо.
Небо и солнца пламя.

На свете есть абрикосы,
играют на флейтах флейтисты.

Приди же, давай обнимем
землю эту и небо.

Перевела с немецкого Нинель Левандовская